

ГЛАВА 1

Генерал Орлов с хмурым видом наблюдал, как собираются и рассаживаются в кабинете его подчиненные — оперативники из отдела уголовного розыска Министерства внутренних дел России. Со вчерашнего вечера начальник главка был не в духе. Петру Николаевичу звонил сам министр МВД и настоятельно рекомендовал внимательно отнестись к резонансному делу, которое поручили расследовать ведомству Орлова.

«Ах, чтоб его, этого блогера, — с досадой думал генерал. — Угораздило же его жениться на этой фривольной дамочке. Вляпался он в это дело по самые ушки уже тогда, когда связал с ней свою жизнь. И где только были его глаза? А теперь вот мы из-за его глупого донжуанства должны проводить дорасследование и выяснять, кто убил его жену — он сам или еще кто-то. Конец года, других дел полон рот, каждый опер на счету, а тут еще...»

Петр Николаевич вспомнил, как вчера, после звонка из министерства, ему пришлось

задержаться на работе чуть ли не до полуночи, чтобы изучить скинутое «сверху» дело об убийстве жены популярного спортивного комментатора, блогера и ведущего — некоего Вершинина, и поежился от неприятных воспоминаний.

Внимательно изучив дело, которое следователи провели на скорую руку и отправили в суд, Орлов понял, почему это дело сняли с производства и отправили на доследование, передав его другому следователю. Любой хорошо подготовленный опер, прочитав все протоколы и прочие показания, имеющиеся в деле, сразу бы нашел множество огрехов и нестыковок, которые появились во время следствия, и непременно задумался бы над этими нестыковками и огрехами. Но, видимо, следователь, который проводил следствие, хотел больше угодить начальству и газетчикам, чем найти виновного, а потому и не стал заморачиваться с версиями, и вину свалил на мужа убитой. А ведь у обвиняемого имелось неоспоримое алиби на момент убийства!

Судья резонно решил, что слишком уж много дыр в этом деле и защита быстро и легко опровергнет все собранные для обвинения улики и свидетельские показания. Смысла затевать процесс не было, вот он и отослал дело обратно. Но так как журналисты — проныры и про это дело пронюхали, пришлось там, «наверху», немного побеспокоиться о репутации следственного отдела в частности и министерства в целом и

отправить дело в управление к Орлову с указанием довести его до ума как можно быстрее.

Секретарь Петра Николаевича Верочка раздала всем присутствующим оперативникам листочки с основной информацией по теме совещания и вышла. Все смотрели на начальника в ожидании, когда он начнет говорить, и, чувствуя его хмурое настроение, даже не переговаривались между собой, как это обычно бывало.

— Кто слышал о деле блогера Вершинина? — не отвлекаясь на приветствия, задал вопрос генерал.

Отозвался самый молодой из всех оперативник — лейтенант Семашко, который работал в отделе только год, но зарекомендовал себя как дотошный до всяких мелочей опер. Он кивнул Орлову, давая понять, что знаком с ситуацией, и ответил:

— Это тот, который по местному телевидению ведет передачу «Футбол — это наше всё!». Его жену нашли мертвой в собственной квартире полгода назад, если я не ошибаюсь. Тогда газетчики прямо-таки ухватились за это дело и во всех красках описывали и саму убитую, и образ ее жизни, и обвиняемого со всеми его прошлыми и настоящими грешками, собрав, как обычно, все грязное белье и вытряхнув его читателям на потеху.

— Что, у нас Дмитрий Сергеевич один такой информированный? — Орлов посмотрел исподлобья на подчиненных, задержав взгляд

на Крячко и Гурове, которые сидели у самого края стола, потому как явились позже всех. Все молчали. — Тогда читайте информацию и высказывайте свое мнение по поводу прочитанного. Думаю, пяти минут на ознакомление всем хватит.

Первым пробежал глазами информацию майор Волынин и, подняв взгляд на Орлова, прокомментировал:

— Будь я на месте судьи, я бы за такое поверхностное расследование...

— Андрей Геннадьевич, давайте каждый будет оставаться на своем месте, — угрюмо прервал начальник Волынина. — Есть какие-то соображения, как вести следствие и на что обратить внимание?

— Тут впору все с самого начала начинать, — ответил вместо майора полковник Крячко. — Очень уж все невнятно — и по уликам, и по свидетельским показаниям. Лучше уж по-новому дело начать, чем латать старый плетень.

— Согласен со Станиславом Васильевичем, — кивнул Лев Иванович Гуров. — Очень уж плохо разработаны детали по делу, да и версия, похоже, была только одна. Не может быть, чтобы все было так просто. Муж убил, потом сам вызвал «Скорую» и полицию, но вину отрицает, так как у него есть неопровержимое алиби. Видео с камер возле подъезда просмотрели поверхностно, свидетелей самого убийства, которые могли бы с уверенностью указать

на подозреваемого, — нет. Ну и что с того, что отпечатки пальцев в квартире только Вершинина и его жены? Они там живут. А вот то, что других отпечатков не обнаружено, а ручки на всех дверях явно кем-то протерты, — вот это уже кое о чем говорит.

— Например, о чем? — склонив голову набок, поинтересовался Орлов.

— Возможно, кто-то подставляет Вершинина, — ответил за Гурова лейтенант Семашко. — Извините, Лев Иванович, что перебил, — виновато посмотрел он на Гурова. — Но тут просто в глаза подстава бросается.

— А может, этот фанат футбола нанял убийцу? — предположил кто-то из оперативников. — Поэтому и алиби есть, и отпечатков нет. Профи работал.

— Резонно, — заметил Орлов.

— Не резонно, — не согласился с мнением генерала Семашко. — Если бы работал профессионал, он бы наверняка принес с собой орудие убийства, а не схватил первую попавшуюся под руку статуэтку. Тут ведь ясно написано, что удар был нанесен жертве по виску тупым тяжелым предметом, предположительно мраморной статуэткой футболиста, которая, по показаниям Вершинина, исчезла из квартиры сразу после убийства.

— Хм, а ведь верно, — одобрительно посмотрел на лейтенанта генерал. Он встал с кресла и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

Остановившись возле Гурова и Крячко, Орлов спросил: — У кого есть варианты относительно характера и мотива убийства? А заодно и предложения по поводу версий и предполагаемого подозреваемого.

Оперативники начали перешептываться, согласовывая свои предположения. Орлов терпеливо ждал.

— Очень уж мало информации о жизни жертвы и еще меньше о семейных отношениях супругов, чтобы судить о том, кто бы мог ее убить, — ответил Семашко, пока другие совещались.

— Это информации о жизни жертвы-то мало? — усмехнулся майор Волынин. — Ну и ну! Да ты ведь сам говорил, что этой информацией пестрят все желтенькие газетенки!

— Да там, как обычно, половина сплетен, домыслов и вранья, — ответил за Семашко Крячко и махнул рукой. — А то ты сам, Андрей Геннадьевич, этого не знаешь. На то наша работа и зовется оперативной, чтобы быстро точную информацию собрать, а всякие выдумки отсеять. Прокурор ведь не на сплетнях дело возбуждает.

— Я так понял, что дело нужно передавать Гурову с Крячко и в помощь им выделить Семашко, — довольный своими умозаключениями, неожиданными для присутствующих оперов, заявил генерал Орлов и прошагал к своему месту. — Или, может, есть другие предло-

жения? — Он приподнял бровь и внимательно посмотрел на подчиненных. — Вот и замечательно. Значит, все свободны и идут заниматься своими делами, а названные мною товарищи остаются для разработки деталей следствия.

Оперативники — кто со вздохом облегчения, а кто-то даже с ехидной улыбкой, обращенной в сторону выбранных начальником оперативников, — стали подниматься с мест и расходиться.

— Петр Николаевич, а почему, собственно, мы? — резонно поинтересовался решением начальства Гуров. — Что, у нас с Крячко меньше, чем у других, дел в производстве? Год заканчивается...

— Знаю, знаю, Лев Иванович, — махнул рукой Орлов, останавливая поток слов возмущенного Гурова. — Но ведь именно вы со Станиславом, да еще лейтенант Семашко довольно быстро и профессионально ухватили суть. А меня там, — генерал поднял указательный палец вверх, — очень уж просили как можно скорее сдвинуть с места это резонансное — черт бы побрал это слово — дело. Общественность, понимаешь ли, трепетно ожидает справедливого наказания для настоящего убийцы и скорого освобождения убитого горем супруга.

— Но ведь может оказаться, что это все-таки он убил жену, — усмехнулся Крячко. — Тут уж что улики и свидетели покажут. Этот вариант со счетов тоже нельзя сбрасывать.

— Вот вы и не сбрасывайте, а докажите, что он виновен или не виновен. Но только не так, как эти умники. — Орлов указал на папку, которая лежала перед ним. — Это словоблудие, — постучал он пальцем по делу, — отдаю вам для подробного изучения и исправления чужих ошибок. Вопросы и предложения есть?

— Есть, — произнес лейтенант Семашко. — У меня тут в убийстве старушки Павловой наметился прогресс...

— Какой старушки, Дмитрий Сергеевич?! — воскликнул Орлов. — Старушка пойдет у тебя вторым планом, параллельно или перпендикулярно этому делу, решай сам как, но это, — он снова ткнул пальцем в папку, которую уже передал Гурову, — во главу угла нужно сейчас поставить. Все. Поступаешь в распоряжение Льва Ивановича до окончания расследования.

— Понял, — с готовностью ответил лейтенант и улыбнулся горячности генерала. — Я ведь только и хотел узнать, можно ли мне после смены убийством Павловой заниматься или временно прекратить расследование и сосредоточиться на новом задании.

— А ты, Дмитрий Сергеевич, одновременно обоими делами займись, как наш генерал предлагал — параллельно. Или перпендикулярно. Или, если получится, по диагонали. Слабо? — подначил молодого оперативника Крячко.

— Ничего не слабо, — насупился Семашко. — Только такая работа, когда за двумя зай-

цами гонишься, никаких плодов не принесет. Один раздрай получится.

— Ладно, ладно, я пошутил, — хлопнул лейтенанта по плечу Станислав, вставая с места. — Можно идти уже? — повернулся он к Орлову. — Вроде бы все решили. Чем раньше...

— Идите уже, — махнул рукой Орлов, отпуская оперативников и прерывая Крячко. — Любишь ты, Станислав, много говорить.

— Но зато я много и делаю, — парировал Крячко, и все трое оперов вышли из генеральского кабинета.

ГЛАВА 2

— Сегодня изучаем документы, едем на место преступления, осматриваемся и решаем вопрос с версиями и их разработкой, — определил Гуров фронт работ, пока оперативники шли по коридору к кабинету. — Или, может, есть другие предложения?

— У меня — нет, — ответил Семашко.

— Начинать так начинать сначала, — подтвердил Крячко свое согласие с другом. — Нужно найти в этих бумажках главное и откинуть все лишнее.

— Или увидеть то, что не было увидено другими, — кивнул Гуров. — Дмитрий Сергеевич, ты у нас специалист по оперативным мелочам, вот и будешь эти мелочи выискивать и выделять их в отдельную категорию.

— Лев Иванович, Станислав Васильевич, не называйте меня по отчеству. Мне как-то неудобно, — после недолгого молчания попросил Семашко. — Мне проще будет с вами общаться, когда вы меня только по имени будете называть.

— Ага, Лев Иванович, этот молодой человек уже считает нас дряхлыми стариканами и не желает, чтобы мы и его по отчеству называли, чтобы не быть как мы — старым! — воскликнул Крячко, обращаясь к Гурову.

— Вы меня, Станислав Васильевич, неправильно поняли! — Даже в полутемном коридоре было заметно, как лейтенант покраснел. — Я совсем не это имел в виду. Просто вас со Львом Ивановичем в отделе, да что там — во всей Москве все уважают, а я тут без году неделя...

— Не важно, сколько ты проработал в уголовке, — важно, как ты работал, — наставительно произнес Гуров. — А по отчеству мы называем всех сотрудников независимо от звания и опыта работы. Просто так у нас принято. Но если ты желаешь, то мы можем и по имени звать, но только в пределах кабинета и личного с тобой общения. Правда, Станислав Васильевич?

— Можно и по имени, — добродушно согласился Крячко.

Они до самого обеда весьма дотошно и внимательно изучали дело. По каждому возникавшему в ходе изучения документов вопросу отдельно обговаривали все детали и делали соответствующие выводы. Затем, следуя предложенному ранее Гуровым плану, решили отправиться на место преступления. Забрав у следователя Крючкова, которому передали на

доследование дело, ключи, оперативники поехали в Ковровый переулок, где и было совершено убийство двадцатипятилетней гражданки Вершининой Татьяны Дмитриевны.

Первым делом Гуров внимательно осмотрел дверные замки и звонок. Все было целым, то есть, как и было описано в протоколе осмотра места происшествия, следов взлома не наблюдалось.

— Просматриваются три варианта проникновения, — сказал Лев Иванович. — Первый — убийца сам вошел в дверь, открыв ее ключом. А вот родным ключом или заранее сделанным со слепка ключиком — это нам еще предстоит выяснить. Если открывали не отмычкой, то возможно, что убил кто-то из своих, у кого имелся ключ от квартиры. Если же сделали дубликат со слепка... М-да, тут вариантов много, — задумчиво произнес Гуров. — Ну, да ладно, по ходу дела будем решать, что и как... Второй вариант — убитая открыла двери сама. Тогда возникает вопрос — женщина открыла дверь тому, кого знала, или впустила в дом незнакомого человека? Если знакомого — это одно направление расследования, и нужно искать убийцу в кругу ее родственников, друзей...

— Или врагов, — добавил Семашко. — Ведь враги тоже могут быть знакомыми.

— Да, или врагов, — согласился Гуров. — А если она впустила в дом чужого — то это уже совсем другой расклад.

— Причин, по которым сегодня в наше тревожное время женщины могут впустить чужого человека в квартиру в отсутствие мужчины в доме, очень немного, — отметил Крячко. — Сегодня даже сантехника просто так в квартиру не пускают. Только по вызову и если убедятся, что пришедший и в самом деле сантехник, а не кто-то другой.

— Насколько нам известно из собранных показаний, Вершинины делать никакой ремонт не собирались, с кранами и прочей сантехникой-электрикой у них было все прекрасно, поэтому отмазки убийцы в духе «надо проверить, не течет ли труба» или «сверить показания счетчика» тут не прокатят, — кивнул Гуров. — Ну, а третий вариант проникновения в квартиру — какой? — спросил он у Семашко.

— После ссоры с женой, как записано в показаниях соседки, Вершинин выскочил из квартиры, хлопнув дверь. Но замок по какой-то причине не сработал, и дверь осталась незакрытой, чем и воспользовался убийца, — ответил лейтенант.

— Правильно, Дмитрий, говоришь, — одобрил Лев Иванович. — А отсюда какой следует вывод?

— Что убийца следил за квартирой Вершининых или за кем-то из хозяев. Скорее всего, за Татьяной Вершининой, и просто ждал удобного случая проникнуть в квартиру, — ответил Крячко.

— Может, все вышло случайно? — предположил Семашко. — Татьяна была очень красивой, к тому же фотомodelью. У нее наверняка были всякие чокнутые поклонники. А если судить по сплетням...

— Так, стоп, — остановил Гуров лейтенанта. — Мы ведь договорились не обращать внимания ни на какие сплетни и домыслы и брать во внимание только проверенные нами сведения. Ты же сам сегодня на совещании и отметил, что работать нужно по факту. Так что пока нет доказательств, будем аккуратны с выводами.

— Понял, учту, — кивнул Семашко. — Что у нас дальше?

— А дальше у нас коридор, — ответил Лев Иванович, пропуская коллег в квартиру Вершининых. Когда он уже закрывал двери, из квартиры, что располагалась напротив, выглянула девушка и, поздоровавшись, спросила с некоторым подозрением в голосе:

— Вы из полиции?

— Да, — улыбнулся Лев Иванович и, приоткрыв дверь пошире, вышел из квартиры, чтобы соседка не подумала, что он ее обманывает. — Вот, нужно кое-что еще раз проверить. А вы...

— Я Мария, — ответила девушка и тоже вышла на лестничную площадку. — Я прохожу свидетелем по делу Александра Вадимовича. Правда, я не очень много знаю, — вздохнула она. — В тот день я сразу после того, как Александр Вадимович поругался с Таней и убе-

жал, тоже ушла. У меня свидание с молодым человеком было, — сказала она и смутилась. — Я только и слышала, как супруги скандалили. Кричали уж очень громко... Можно вас спросить? — нерешительно посмотрела девушка на Гурова.

— Спрашивайте, отвечу, если смогу, — кивнул Лев Иванович.

— Вы мне скажете, как там Александр Вадимович? Его осудят? Я как-то звонила, спрашивала у следователя, и он мне ответил, что когда будет нужно, меня вызовут повесткой в суд, а пока что мне такие вещи знать не обязательно...

— Осудят вашего соседа или нет, я пока и сам не знаю, — ободряюще улыбнулся девушке Гуров. — Дело очень непростое оказалось. Вот я с коллегами еще немного поработаю над ним, выясню разные непонятные для суда обстоятельства, вот тогда... — Лев Иванович развел руками. — А пока сказать ничего не могу.

— Жалко, — расстроилась Мария. — Просто мне кажется, что он не виноват и Татьяну не убивал... Не такой он человек, чтобы убить кого-то.

— Мария, а вы сейчас никуда не уходите? — поинтересовался Гуров. Девушка ему нравилась, хотя красавицей ее он бы не назвал. Скорее, симпатичной. — Нам бы потом с вами очень хотелось поговорить, не вызывая вас для беседы в наше учреждение.

— Нет, я буду дома, — просто ответила соседка Вершинина. — И буду вас ждать. Хотя я уж и не знаю, что я могу еще нового рассказать. Вроде бы уже все сказала еще полгода назад, — нерешительно добавила она.

— Ну, за полгода можно столько всего интересного вспомнить! — подбодрил девушку Лев Иванович.

— Или забыть все детали окончательно, — скептически проговорила Мария.

— Дайте угадаю, — прищурился Гуров. — Вы учитесь на юрфаке на следователя. Угадал?

— Нет, не угадали, — рассмеялась девушка. — Я на инязе учусь, на четвертом курсе.

— Ну, тогда ждите нас минут через двадцать к себе в гости. — Лев Иванович слегка поклонился, отступил назад и закрыл за собой дверь.

— Ты с кем это, Лев Иванович, так долго беседовал? — поинтересовался Крячко.

— С соседкой напротив, — ответил Гуров. — Очень милая юная особа, доложу я вам.

Лейтенант Семашко вышел из одной из боковых комнат и произнес скороговоркой:

— Терентьева Мария Павловна, двадцать два года, студентка МГУ, учится...

— На факультете иностранных языков, снимает двухкомнатную квартиру у четы Остафьевых, врачей, которые в данный момент отсутствуют, потому как три года назад отбыли

работать по контракту в Иран, — смеясь, перебил парня Крячко. — Не ты один, Дмитрий, у нас такой памятливым.

— Так, хватит вам тут устраивать соревнования, у кого лучше память, — вздохнул Гуров. — Прямо как дети, ей-богу. Лучше скажите, что уже успели осмотреть.

— Да ничего толком не успели, — развел руками лейтенант. — Я только из гардеробной вышел. Вещей там, одежды всякой — немерено! Никогда столько не видел. Особенно женской обуви много.

— Ну а как ты хотел! — усмехнулся Крячко. — Татьяна Дмитриевна знаменитой фотомodelью была. Ей по статусу положено было столько вещичек иметь. Она — человек популярный в мире моды. Так что...

— Это я понимаю, — ответил Семашко. — Только вот зачем она в дорогих туфлях на высоком каблуке дома ходила, когда у нее всякой другой обуви попроще и без шпилек полным-полно? Тут толпы нет, оценить ее красивые ноги, кроме мужа, некому.

— Как это — дома ходила? — не понял Гуров и переглянулся с Крячко.

— Так ведь когда ее тело нашли, то она была одета лишь в халатик на голое тело, но зато в туфлях на высоком каблуке.

— Хм, а и правда, почему? — задумался Лев Иванович.

— А может, она куда-то собиралась и успела только туфли надеть, а остальное не успела, — задумчиво предположил Крячко.

— Кто же сначала туфли надевает, а потом нижнее белье? — удивился Гуров. — Ты сам пробовал когда-нибудь так одеваться?

— Так ведь кто их этих современных женщин знает, — хмыкнул Крячко. — Сколько раз лично наблюдал, как женщина за рулем, остановившись на зеленый свет светофора, переобувалась, красилась и говорила по телефону — и все это одновременно!

— Я так думаю, что она все-таки кого-то ждала, — задумчиво произнес Семашко. — Правда, ее телефон так и не нашли, но распечатки разговоров оперативники посмотрели. Последний, кому она звонила, был фотограф из того модельного агентства, в котором Вершинина работала. Итальянец, между прочим.

— Угу. Сплетники записали этого итальянца Вершининой в любовники, — напомнил Крячко.

— Свидетели, а не сплетники, — с укоризной поправил Станислава Гуров.

— А вот тут ты, Лев Иванович, не прав. Эти так называемые свидетели свечку, что ли, держали, коль так твердо и в один голос утверждают о любовной связи фотографа и модели? Тут как раз тот самый случай, когда домыслов больше, чем реальных фактов.

— Копать, я думаю, в этом направлении все же есть смысл, — кивнул Семашко. — Как ни крути, а в любой сплетне чаще всего есть доля правды. На пустом месте разговоры не появляются. Так еще моя бабушка говорила.

— Вот ты эту версию и будешь раскручивать, — заявил Лев Иванович и похлопал лейтенанта по плечу. — Любовник, если он и был, то тоже вполне мог по каким-то причинам желать смерти своей любовницы. А уж какова эта причина и была ли она вообще — ты и выяснишь.

— Так, — потер руки Крячко, — с одной линией следствия мы определились.

— Не с одной, а с двумя, — поправил Станислава Лев Иванович.

— Это какая вторая-то? — удивился Семашко.

— Сам Вершинин остается под подозрением, как ни крути. Надо его показания снова проверить и перепроверить. Я правильно мыслю, Лев Иванович? — Крячко прошагал из коридора, в котором они стояли, пока беседовали, в гостиную.

Остальные двинулись за ним.

— Ну-ка, умники, напомните мне, где нашли тело жертвы, — усмехнувшись про себя, попросил Гуров коллег. — Что-то с памятью моей стало...

— Ладно тебе, Лев Иванович, — хмыкнул Станислав. — У тебя память получше моей и

Дмитрия вместе взятых будет. Только ты хитрый и признаваться в этом не хочешь.

— Я не хитрый, просто иногда шучу таким образом, — ответил Гуров, проходя через гостиную, в глубине которой было две двери — одна вела в хозяйскую спальню, другая — в комнату для гостей, которую, по показаниям хозяина дома, супруги хотели переделать потом в детскую.

Войдя в левую из двух дверей, которая вела в будущую детскую, Лев Иванович остановился на пороге и огляделся. Крячко и Семашко подошли ближе и встали у него за спиной. Каждый из оперативников мысленно прокручивал в уме детали убийства, которое произошло в этой комнате полгода назад, и задавался вопросом, как же все произошло на самом деле, кто и по какой причине убил знаменитую своими скандальными похождениями красавицу.

— Статуэтку футболиста так и не нашли... — не спросил, а констатировал факт пропажи оружия убийства Крячко. — А может, все-таки муж ее и убил, а сообщник после его ухода явился в квартиру и замел следы? И дверь Вершинин специально не закрыл, чтобы доступ в квартиру убийце облегчить. Сам вроде бы как не при делах, алиби себе обеспечил... На записи с видеокamеры, что висит при входе в подъезд, есть только два момента, связанных с Вершининым, — когда он уходит вечером и когда приходит утром...

— Кстати, — внезапно оживился Семашко. — На видео есть еще один весьма интересный момент. Я обратил на это внимание, когда читал отчет по просмотру видеозаписи. Примерно через двадцать минут после ухода Вершинина из дома в подъезд вошел очень интересный тип, похожий на самого Вершинина, но только одетый по-другому. А потом, через пять минут, этот же субъект быстро вышел из подъезда.

— Да, я тоже обратил внимание на этот момент, — ответил лейтенанту Лев Иванович. — Я еще подумал тогда, что раз похож, судя по описанию экспертов, на Вершинина, то это мог быть и его сын от первого брака — Ян Александрович, восемнадцати лет от роду. Учится на первом курсе МГИМО на факультете лингвистики и межкультурной коммуникации. Поступил после окончания Горчаковского лицея, входящего в одно из подразделений этого университета. Но факт, что это был именно он, опять же проверять нужно.

— Умный парнишка, да? — усмехнулся Крячко. — Отчего-то его никто не стал подозревать в убийстве, а ведь, по идее, надо бы... Если верить видео, то этот тип, который предположительно Ян Вершинин, зашел в подъезд как раз в тот временной период, который наши медэксперты определили как примерное время убийства, — половина восьмого вечера плюс-минус полчаса.

— Да, интересный вопрос. Не помню я что-то, чтобы в отчетах по видео его имя вообще упоминалось, — сказал Гуров. — Наверное, у следователя не нашлось оснований подозревать Яна Александровича. Посчитали, что у него было мало времени для убийства, да и мотива не нашли. Вот если бы он отца убил...

— Да за пару минут преспокойно можно убить кого угодно! — парировал Крячко. — Лев Иванович, ты ведь помнишь одно из наших дел, когда...

— Да помню я, помню. Только вот как быть с мотивом?

— Легко! — Крячко прошел в комнату и, повернувшись к Гурову и Семашко, пафосно поднял руку. — Папа бросил маму ради молоденькой вертихвостки, и чадо было в обиде за такую папину подлость. Вот он и решил отомстить, убив молодую папину жену и подставив самого папу, — торжество справедливого возмездия играет фанфары. Или вот еще мотив...

— Стоп, стоп, Станислав, я все понял, — махнул рукой Гуров. — Можешь не продолжать. Будем считать это версией номер три, и мы отдаем ее, с твоего молчаливого согласия, тебе на разработку. Справедливо я мыслю, Дмитрий? — повернулся Лев Иванович к Семашко.

Лейтенант в знак согласия кивнул.

— А вы, Лев Иванович, берете себе, я так понимаю, версию с мужем убитой?

— Правильно понимаешь оперативную обстановку, лейтенант, — хлопнул дружески лейтенанта по плечу Гуров.

Они втроем еще некоторое время походили по квартире, осмотрели ее и пришли к выводу, что эксперты потрудились на месте происшествия неплохо и делать тут после них оперативникам нечего. Все, что было найдено интересно-го полгода назад экспертами-криминалистами, уже было описано в протоколе и стало уликами. Истинными или надуманными — это уже был другой вопрос.

— Ну что ж, тут нам делать больше нечего, — подвел итог посещения места преступления Гуров. — Пойдемте навестим милую барышню Марию Павловну и побеседуем с ней о том, что она знает о Вершининых и об их семейной жизни.

— Лучше уж милая барышня с ее девичьей памятью, чем старушка-соседка с ее склерозом, — сострил Семашко.

— Почему это лучше? — не понял Крячко шутку.

— Потому что на девушку смотреть приятней, чем на бабушку. Только по этой причине, — улыбаясь, ответил молодой оперативник. — А то, что и та, и другая плохо помнят о событиях полугодовой давности, — факт, уже мною проверенный. И говорит он о том, что разницы между этими типами свидетельниц нет никакой.

— Не скажи, Дмитрий, — возразил Лев Иванович. — Есть такие старушки, что дадут фору любой девушке. Я имею в виду не внешность, а память. Ты еще молодой, и житейского опыта у тебя маловато. А уж мы-то со Станиславом Васильевичем всякого успели насмотреться. Потому что мы — старые волки...

— Это точно, — подтвердил Крячко, выходя последним на лестничную площадку и закрывая за собой двери квартиры Вершинина.

ГЛАВА 3

Студентка иностранного факультета МГУ Мария Терентьева оказалась девушкой не только симпатичной, но и хозяйственной. Проводив оперативников в гостиную, она предложила им:

— Раз уж у нас беседа неофициальная, давайте я напою вас чаем с ватрушками. Ватрушки домашние. Мне мама вчера привезла.

— Давайте чай с ватрушками, — согласился, ответив за всех, Крячко. — На улице — холодина, и горячий чаек нам не помешает. А то вот наш лейтенант до сих пор руки согреть не может, — кивнул он на Семашко, который в волнении или впрямь от холода тер друг о друга ладони.

— Да, спасибо. Чай — это хорошо, — ответил парень, поглядывая на девушку с далеко не профессиональным интересом. — Хотите, я вам помогу?

— Помогите, — согласилась Мария и улыбнулась молодому человеку. — А то я одна все в двух руках не унесу. Да вы садитесь. — Она приглашающим жестом указала Гурову и Крячко на

диван и кресла, что стояли вокруг журнального столика, покрытого льняной салфеткой.

Гуров с Крячко сели, а Мария с Семашко отправились на кухню за чаем.

— Интересная девушка, — посмотрев в сторону кухни, вполголоса произнес Гуров. — Совсем не похожа на современную молодежь.

— Да, я тоже это заметил, — согласился Станислав, оценивающе осматриваясь. — Чистенько в квартирке... Лев Иванович, а звукоизоляция-то в этих старых домах и вправду никакая. Я слышу, как у соседей за стенкой телевизор работает.

— Так вот я думаю о том же, — кивнул Гуров. — Действительно, звуки за стенкой слышны. А если квартиры не рядом, а напротив, то как наша Маша могла так хорошо расслышать, как скандалили Вершинины? Она ведь очень подробно, судя по записям в протоколе, рассказала, кто и что из супругов говорил во время ссоры. Вот ведь какой интересный получается вопрос...

— А вот она идет с чаем, у нее и спросим, — встал Крячко с кресла и стал помогать Марии расставлять на столике чашки. Семашко принес чайник и большую тарелку с горячими ватрушками.

— А ватрушки-то совсем свежие! — подивился Гуров. — Мария, признавайтесь, это не мама вам принесла, а вы сами их только что испекли!

— Да нет же! — хихикнула девушка. — Я их просто в микроволновке разогрела. А так-то их мама вчера испекла.

— Мама в Москве живет? — поинтересовался Станислав и, откусив от ватрушки, проговорил с полным ртом: — М-м-м, вкуснотень какая! Маме респект. Уж кто-кто, а я в выпечке толк знаю! Жена у меня искусница в этом деле.

— Мама в Южном Чертанове живет и ко мне только по своим выходным приезжает. Остафьевы — ее старинные друзья еще с мединститута и, уезжая, предложили меня у них поселить. Квартиру чужим не оставишь, мало ли что, и мама договорилась с ними, чтобы я тут пожила, пока они не вернутся.

— Так вы — из семьи врача? — спросил Семашко.

— Точнее будет сказать, потомственных врачей, — серьезно ответила девушка. — И мама, и папа — врачи во втором и в третьем поколении. Папа — хирург, а мама — терапевт.

— А дочка у них, значит, не захотела по родительским стопам идти, — по-отечески тепло посмотрел Гуров на девушку.

— Мне больше нравится полиглотством заниматься, — скромно сказала та.

— Мария целых пять языков знает! — торжественно объявил Семашко.

— А ты уже и это выяснить успел? — с хитрым прищуром глянул на него Крячко, чем и

смутил молодого оперативника, а заодно и студентку иностранного факультета.

— Так это же просто отлично! — воскликнул Гуров. — Мария, это характеризует вас как ценного для нас свидетеля. С такой памятью вы наверняка помните все подробности ссоры ваших соседей полугодичной давности!

— Думаю, что помню, — согласилась девушка. — Поэтому постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Вопросы, вопросы... Давайте вы просто расскажете нам, что слышали или видели в тот день. А еще лучше, если вспомните все, что знаете о супругах Вершининых. Соседи ведь как-никак. Расскажите нам не только о моменте ссоры, а вообще обо всем, что знаете, — предложил Гуров. — А уж вопросы, если они возникнут, мы зададим вам по ходу вашего рассказа. Договорились?

— Хорошо, — согласилась Мария. — Тогда я расскажу с самого начала. Ладно?

— Как будет угодно и как будет удобно сударыне, — развел руками Лев Иванович и галантно склонил голову, чем вызвал улыбку у девушки.

— Три года назад, когда я переехала в эту квартиру, Александр Вадимович жил один. Вернее, не жил, а ночевал время от времени. Эта квартира, как я узнала позже, досталась ему в наследство от дяди по матери. Он был одинок и бездетен. Я имею в виду дядю, а не Александра Вадимовича. Он в то время, три года назад,

был еще женат на своей первой жене — Веронике Михайловне. Но жили они где-то в другом районе, насколько я помню — на Рублевке. Но когда у Александра Вадимовича были... ну, проблемы в семье, то он ночевал тут.

— А кто вам рассказывал о его проблемах? — поинтересовался Крячко. — Он сам?

— Нет, что вы! — смутилась девушка. — Он сам со мной мало говорил — и три года назад, и вообще. Только «здравствуйте, до свидания», вот и все общение. Просто когда Остафьевы отдавали мне ключи от своей квартиры, то попутно рассказали кое-какие сведения о соседях по площадке. В качестве, так сказать, ознакомления. В том числе и про Александра Вадимовича.

— Хорошо, рассказывайте дальше, — кивнул Гуров.

— Года два назад Вершинин стал появляться в этой квартире уже не один. Я, конечно, не специально следила, не подумайте чего такого, — опять смутилась Мария. — Просто несколько раз вечером я сталкивалась с ним на лестничной площадке. Тогда-то в первый раз я Татьяну и увидела. А через полгода Александр Вадимович на ней женился, и она в эту квартиру переехала.

— Интересно, почему Вершинин не купил себе другую квартиру, а привел молодую жену в трехкомнатную и совсем даже не элитную квартиру? — задался вопросом Семашко.

Мария пожала плечами и ответила:

— Не знаю. Знаю только, что он много денег и большую квартиру на Рублевке, где жил с первой супругой, оставил ей и сыну. Алименты еще им выплачивал огромные, и еще какие-то платы были...

— Вы неплохо осведомлены, — одобрительно покивал Крячко.

— Все это мне Таня рассказала, — снова смутилась Мария. — Мы с ней подружились, она часто забегала ко мне в гости и делилась своими проблемами. И вообще много всего про себя рассказывала.

— Даже так? — удивился Лев Иванович и переглянулся с Крячко и Семашко. — А вот в ваших прежних показаниях об этом ничего нет.

— А меня никто и не просил об этом рассказывать. Ну, про мои отношения с Вершининами. Спрашивали только конкретно о ссоре. Вообще-то я хотела рассказать, но меня перебили и сказали не отвлекаться на излишние ненужные подробности — так они выразились. Вернее, он — следователь Ромашин.

— Ну а мы теперь очень вас просим рассказать нам все эти подробности, — доверительно склонился к девушке Гуров.

— Да вы пейте чай, а то ведь остывает, — посоветовала студентка неотрывно смотревшему на нее Семашко и продолжила рассказ: — Странная она была, эта Татьяна Вершинина — одинокая и злая на всех. Я ведь к ней в подруги не

навязывалась, а оттолкнуть... Не умею я людей, которые нуждаются в помощи, отталкивать.

— А Вершинина нуждалась в помощи? — удивился молодой оперативник.

— Думаю, что да. Иначе бы она ко мне не бегала и о себе не рассказывала. Было такое впечатление, что ей все равно, кому рассказывать и жаловаться. Она словно искала спасения от самой себя и не знала, к кому обратиться за помощью. Но с другой стороны, не хотела она никакой помощи от меня. Просто ей нужен был человек, которому можно было бы жаловаться на жизнь и который бы ее не отталкивал, а выслушивал. Да я ничем и не могла ей помочь, — пожалала Мария плечами. — А еще она почти всегда была какой-то взвинченной и нервной, и настроение у нее резко менялось. Я так думаю, что это все из-за алкоголя и наркотиков.

— Значит, то, что она наркотики принимала, — это не сплетни, — понимающе покивал Крячко.

— Нет, не сплетни. — Мария поежилась, словно от холода, хотя в комнате было довольно тепло. — Александр Вадимович, прежде чем жениться на Тане, устроил ее в частную клинику на лечение от наркозависимости. Она там полгода провела и вроде бы как даже вылечилась... По ее словам.

— Бывших наркоманов и алкоголиков не бывает — это даже школьники сейчас знают. — Семашко допил чай и поставил чашку на сто-

лик. — Мария, скажите, а Вершинина рассказывала вам что-нибудь о своей жизни с мужем? Или о любовниках? Насколько она была с вами откровенна?

Девушка посмотрела на молодого оперативника с лукавством и ответила:

— Она была откровенна ровно настолько, насколько женщина может быть откровенна с молодой соседкой. Нет, она жаловалась только на своего мужа, а о любовниках, если они у нее и были, она ничего никогда не рассказывала.

— А на мужа почему жаловалась? — задал наводящий вопрос Станислав.

— Первое время после замужества, когда Таня еще не работала в модельном агентстве, она часто ко мне приходила и жаловалась, что Александр Вадимович совсем ее никуда от себя не отпускает и почти никуда с нею не ходит. Ей такая жизнь домохозяйки при муже казалась скучной. Она, мол, привыкла к активной, бурной жизни: общаться с друзьями, быть на людях...

— Извините, что перебиваю, — проговорил Лев Иванович. — Скажите, Татьяна рассказывала вам какие-то подробности о своей жизни до замужества?

— Нет, подробностей не рассказывала, но я так поняла из бесед с нею, что она работала в каком-то дорогом ночном стрип-клубе. А вот в каком — не знаю, — пожалала Мария плечиками.

— Да и ладно: не знаете, и не надо, — сказал Лев Иванович.

— Потом, когда Таня уже стала работать моделью в «Белиссимо»... Ее, кстати, туда Александр Вадимович устроил через своего друга с телевидения. Тогда-то она стала жаловаться на ревность супруга. Ну, что он ее постоянно сам отвозит и сам забирает из агентства, по десять раз на день звонит, чтобы узнать, где она и когда освободится... Вечерами ходит с нею в ресторан или к своим друзьям в гости, например, но всегда следит, чтобы она не общалась со своими старыми друзьями даже в интернете. Она говорила, что очень устала от такого тотального контроля и даже жалеет, что вышла замуж за Александра Вадимовича.

— Она хотела от него уйти? — спросил Семашко.

— И да, и нет, — ответила Мария. — Когда она была, как это говорят, под кайфом и в хорошем настроении, то очень хорошо отзывалась о муже и даже говорила мне, что обожает его и очень ему благодарна, что он о ней заботится и любит ее. Но вот когда она приходила ко мне не в настроении, то тогда Александру Вадимовичу доставалось по полной программе.

— Она не говорила вам, поднимал ли на нее руку Вершинин? — спросил Гуров.

— Нет, такого не говорила. Да такого и не могло быть! — возмущенно воскликнула девушка.